Па Хан

Я сделал это ради тебя

Па Хан

Я сделал это ради тебя

«Автор»
2026

Хан П.

Я сделал это ради тебя / П. Хан — «Автор», 2026

Когда Дениса уводят в наручниках, он успевает сказать сестре: «Я сделал это ради тебя». Ночью его партнёр по мастерской умирает в больнице.Ася знает: брат когда-то продал машину, чтобы она могла учиться. Теперь мать ждёт, что она спасёт его. Нужно найти папку, подтвердить угрозы погибшего, удержать мастерскую. Но чужие письма и незакрытые счета складываются в историю, которую Денис ей не рассказал. Ася всё ещё хочет ему верить. И уже знает, о чём сама промолчала на допросе.Пока семья готовит защиту, она пытается закончить стол для мальчика, которому обещала помощь, и впервые заработать на жизнь отдельно от брата. Каждый шаг к самостоятельности выглядит предательством. А правда может разрушить семью, ради которой она столько лет оставалась.Психологический роман о любви, долге и праве не расплачиваться своей жизнью за чужое «ради тебя».

© Хан П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Латунная ручка 5
Глава 2. Розовые пельмени и ночной звонок 9
Глава 3. Опечатанный кабинет 12
Глава 4. Зелёный выкрас 16
Глава 5. Станок с чужого плеча 20
Глава 6. Две папки у Беловой 23
Глава 7. Подтверждение для защиты 26
Глава 8. Замок на двери у рынка 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Па Хан
Я сделал это ради тебя

Глава 1. Латунная ручка

К шести вечера в выставочном зале «Воронов и Карпов» стало душно. За окнами ледяная крупа смешивалась с дождём; посетители не снимали пальто, и запах мокрой шерсти перебивал даже клей из цеха. От старой вытяжки чуть дрожали стеклянные дверцы серванта у входа.

Ася стояла на колене перед ясеневым комодом и держала на весу верхний фасад. Левая рука затекла, в правой была зажата латунная скоба.

— Не убирайте, подержите ещё секундочку, — попросила последняя посетительница, отступая к окну и щурясь сквозь узкие очки. — С чёрной планкой комод сразу делается офисным. А с латунью теплее, но я боюсь, внуки будут бегать и цепляться рукавами за углы. Тут ведь выступ почти три сантиметра?

— Почти три, — ответила Ася. — Можем примерить другую скобу, пониже. Но эту сначала обработаем: край острый.

Женщина достала телефон, чтобы ещё раз сверить оттенок ясеня с фотографией спальни. Они выбирали ручку уже двадцать минут. Ася переступила на другое колено; посетительница снова увеличила снимок.

Ася перехватила деталь. На внутренней стороне латунной лапки остался заусенец, упиравшийся в ладонь. Ещё днём Олег провёл полой пиджака вдоль прикрученной на пробу скобы: шерстяная нитка вытянулась петелькой.

«Эту сегодня лучше не ставь, Ась, — сказал он тогда, поддевая заусенец ногтем. — Или надфилем пройдись, пока люди не пошли. Кто-нибудь шарф зацепит — больше разговоров будет, чем заказов».

Она выкрутила винт и положила скобу рядом с чёрной планкой, но взять надфиль так и не успела: заело направляющую на раздвижном столе, потом Денис позвал искать удлинитель, а без четверти пять пошли первые клиенты.

За вечер через зал прошло человек пятнадцать. У входа Людмила Николаевна разливала кофе. Мать приехала к четырём прямо из поликлиники, в выходном кардигане с брошкой, и следила, чтобы никто не ставил мокрые зонты на новую обувницу.

Без четверти шесть со стороны бухгалтерии показался Олег. Под мышкой он нёс синюю папку на тесёмках; из неё торчал угол серой. Увидев Асю у комода, он притормозил за спиной посетительницы.

— Надолго вы тут? — одними губами спросил Олег.

— Ещё минут десять. С профилем определяемся.

Олег вытащил из серой папки скреплённые листы, но посетительница обернулась, и он убрал их обратно.

— Освободишься — зайди. Сначала тебе покажу, что я Кате отправил.

— По трём объектам? Я же сказала…

— Знаю. Я там за тебя лишнего наговорил. Надо исправить. Только не уезжай без разговора.

Он коснулся двумя пальцами столешницы и ушёл за матовую дверь в производственный коридор.

Днём они втроём собирали буковую раму для образцов. Денис подшучивал над Олегом; тот смеялся и выпустил стойку, которую Асе пришлось ловить. Она ждала, что вечером они опять разругаются из-за долгов. Хотелось ещё немного побыть здесь, с посетительницей.

— Приложите ещё раз обе ручки, я сфотографирую для дочери, — попросила посетительница.

Ася поднялась с колена, придерживая левым плечом съёмный фасад ясеневого комода, и снова приставила латунную скобу к карандашным рискам.

В этот момент в кармане её джинсов длинно завибрировал телефон. Край экрана торчал наружу: горели часы — **18:12** — и высвечивалось короткое имя: *«Олег»*.

— Чуть правее руку уберите, пальцы в кадр попадают, — попросила женщина.

Ася на мгновение отняла скобу от фасада и правой ладонью, не разжимая пальцев, придавила телефон через карман. Вибрация стихла. Проводит посетительницу и сразу пойдёт к ним.

Женщина сделала снимок, несколько раз выдвинула ящики, сверила по планшету артикул лака и кивнула:

— Да, пожалуй, остановимся на латуни. Только обязательно скруглите нижний край, ладно?

— Обязательно, я в спецификации выделю… — начала Ася и осеклась.

Из-за матовой перегородки, перекрывая гул вентиляции, донёсся сорвавшийся выкрик Олега: *«Ты её не прикрываешь, ты её топишь!»* — и сразу следом резкий скрежет опрокинутого стула, женский вскрик Лены и глухой удар о бетонный пол.

У входа тонко вскрикнула Людмила Николаевна: стеклянный кувшин от кофемашины выскользнул из её пальцев и разлетелся вдребезги о край плитки, обдав горячей водой её туфли. Мать схватилась обеими руками за грудь и тяжело осела на обувную банкетку, ловя ртом воздух. Посетительница в верблюжьем пальто отшатнулась от витрины, выронив телефон под комод:

— Господи, что это у вас там?! Станок упал?

Ася прислонила фасад к тумбе и кинулась к матери. Усадила её глубже на банкетку, расстегнула верхнюю пуговицу кардигана, принесла воды. Людмила Николаевна цеплялась за её рукав, не давая отойти. Посетительница стояла рядом и повторяла: «Скорую, надо скорую», — хотя из-за перегородки Лена уже выкрикивала адрес. Ася подняла закатившийся под комод телефон женщины, попросила её остаться с матерью и только тогда смогла высвободить рукав. На настенных часах было двадцать одна минута седьмого. Латунная скоба всё ещё была зажата в правой ладони.

Дверь кабинета стояла настежь. Ася пробежала вдоль раскроечного верстака; справа в проёме виднелся стеллаж с каталогами и край старого кондуктора, закрывавшего вытяжную нишу.

Денис сидел на ближнем к двери краю раскроечного верстака, опустив кисти между коленями. На правом рукаве выше манжеты темнел влажный мазок. За его спиной, в дверном проёме, виднелись опрокинутый стул и замшевый ботинок с развязанным шнурком.

Из глубины кабинета звучал высокий, отрывистый голос маляра Лены:

— Адрес я вам уже два раза продиктовала! Промзона, корпус четыре, мебельный цех за шиномонтажом! Да, без сознания! Голова, кровь идёт! Въезд со двора, серые железные ворота!

Ася сделала два шага по мелкой ясеневой стружке.

— Денис… — позвала она севшим голосом.

Брат поднял голову. Он смотрел на неё так сосредоточенно, будто только её и ждал.

— Не заходи туда, Ась, — хрипло сказал он. — Он хотел всё на тебя повесить. Принёс бумаги, орал, что сейчас при всех заставит тебя подписать.

— Что подписать? — она смотрела мимо его плеча, туда, где на бетонном полу среди светлой стружки расплывалось тёмное пятно.

Из двери выглянула Лена. Под косынкой лицо пошло пятнами; на правом запястье алела полоса.

— Ася, не стой столбом! — крикнула она. — Ворота со двора открой настежь и выйди встречать скорую!

— Лена, он живой? — Ася ухватилась за наличник и заглянула внутрь.

Олег лежал на боку между столом и стеллажом. Кровь из-под волос на виске склеивала стружку. За Леной была видна кромка стола: раскрытая серая папка, листы с таблицами и знакомой шапкой Беловой. Возле опрокинутого стула лежала буковая киянка. К бойку прилипли волосы.

— Дышит он, дышит, иди ворота открывай! — взвизгнула Лена, прижимая к виску Олега свёрнутую ветошь.

Денис тяжело встал с верстака.

— Ты меня слышишь? — сдавленно проговорил он, шагая к сестре. — Он бы заставил тебя остаться на год за копейки. Доделывать за нами весь брак, отвечать своим карманом перед Беловой. Я сделал это ради тебя.

— Что ты сделал? — прошептала Ася, глядя на бурую полосу на его рукаве.

— Ударил его.

За спиной Аси появилась мать; увидев ноги Олега в дверях, Людмила Николаевна беззвучно ахнула, но тут же развернулась к выглядывавшей посетительнице, цепко взяла её под локоть и повела к выходу: «Проходите на воздух, у нас несчастный случай на производстве».

Телефон в кармане Аси коротко дёрнулся. Она вытащила его левой рукой — на экране висела красная строчка: *«Пропущенный вызов: Олег, 18:12»*. За несколько минут до удара.

Денис перевёл взгляд на её правую руку:

— Аська, у тебя кровь.

Ася разжала пальцы. Скоба стукнула о настил. У основания большого пальца тянулся рваный порез: заусенец прошёл по ладони, пока она бежала, сжимая ручку. Денис выдернул салфетку и потянулся к её запястью, но Ася отдёрнула руку.

— Ася, ворота! — крикнула Лена. — Сирена уже на повороте!

Подняв с пола скобу, Ася сунула её в карман висевшей у выхода куртки и выбежала в октябрьскую темень.

Нижний штырь ворот заклинило. Ася рванула его левой рукой, навалилась на створку. Рядом встала посетительница.

— Давайте вместе, милая, упритесь вот сюда, — женщина со всей силы прижала створку плечом в дорогом кашемире, снимая перекос с петли.

Штырь со скрежетом вышел из гнезда. Ася отвела створку к забору и выбежала на проезд, махая окровавленной ладонью реанимации.

Когда Олега выносили через узкий коридор на жёстких носилках, Ася вжалась спиной в стеллаж с МДФ. Санитар заслонил его лицо плечом; видна была только запрокинутая кисть с часами да серый замшевый ботинок с развязанным шнурком, волочившимся по стружке.

— В седьмую, — бросил врач полицейскому, подавая носилки. — Закройте за нами.

Пока у машины закрепляли носилки, второй фельдшер промыл Асе ладонь и стянул порез полосками пластыря. Велел сегодня же показаться в травмпункте. Она кивнула, не дослушав: участковый уже спрашивал, где она стояла и подходил ли к ней потерпевший. Ася отвечала про ручку и обещанный Олегом разговор. Мать принялась натягивать ей на плечи тёмно-зелёную куртку, но это оказалась рабочая безрукавка Олега. Она сдёрнула её: «Господи, не та, сейчас твою найду…»

Из коридора патрульные вывели Дениса со скованными спереди руками. Поравнявшись с комодом, он упёрся каблуками в пол.

— Аська, слушай меня внимательно, — твёрдо произнёс он на весь зал. — Я сделал это ради тебя. Он хотел повесить на тебя три чужих объекта за копейки и весь наш старый брак

по договору с Беловой. Прямо в глаза мне сказал, что у тебя выбора нет и ты подпишешь как миленькая. Посмотри его серую папку! И не вздумай позволить им сделать из него святого!

Когда за конвоем захлопнулась дверь, Ася выложила окровавленную скобу на комод рядом с чёрной. Перевернула отверстиями вверх, чтобы не поцарапать лак.

Глава 2. Розовые пельмени и ночной звонок

Из районного отдела полиции их с матерью выпустили только в половине двенадцатого ночи.

Три часа они просидели на дерматиновой скамье у дежурной части, пока за железной дверью брали объяснения у Дениса и Лены. Каждые десять минут Людмила Николаевна подходила к бронированному стеклу и тихим, непробиваемым голосом регистратора поликлиники спрашивала, можно ли передать сыну тёплую кофту и таблетки от давления. Дежурный отвечал, что задержанного оформляют по сто одиннадцатой статье и передачи будут завтра через ИВС.

Из отдела они сначала заехали в травмпункт. Там Асю перевязали, сделали прививку и велели прийти на осмотр через два дня. Мать тем временем вызвала такси: вести машину с такой рукой не позволила. «Фабия» осталась у цеха под ледяной коркой.

Домой добрались после полуночи. Всю дорогу мать молчала.

Скинув сапоги, Людмила Николаевна прошла на кухню и поставила на газ чайник со свистком. Открыла сушилку, машинально достала три чашки в синий цветок, секунду постояла, глядя на третью, и убрала её обратно на решётку.

Денис четыре года жил отдельно, но проходная комната по-прежнему считалась его: диван, кубки по гребле на полках, банка со свёрлами на подоконнике. Асе оставалась спаленка за кухней, где тахта едва помещалась рядом со студенческим кульманом.

Ася села у холодильника. Напротив висела фотография из отцовского гаража: Денис обнимает её, восьмилетнюю. Самому семнадцать, но держится уже по-хозяйски.

— Есть будешь? — спросила мать, не оборачиваясь от плиты.

— Нет, мам. Не могу.

Людмила Николаевна дёрнула дверцу морозилки и вытащила плоский пакет домашней лепки.

— А надо поесть. Ты с утра кроме чая на показе ничего в рот не брала.

Пельмени застучали о дно кастрюли, вода стала розовой. Свекольный сок в тесто мать начала добавлять, когда Денис капризничал после ангины. Ася ненавидела эту подкраску. Взрослой было стыдно объяснять, что ей до сих пор хочется своих, белых пельменей.

Ася стянула свитер. Мать придержала рукав, чтобы шерсть не зацепилась за повязку.

— Ты врачу сказала — ручкой. Это ещё в зале случилось или уже там, в кабинете?

— В зале. Бежала и сжала её. Там заусенец.

Мать потянулась к узлу бинта и остановилась.

— Не намочи, когда умываться будешь.

На маленькой шестиметровой кухне от двух конфорок и раскалённой батареи стало душно. Ася поднялась, чтобы повернуть завёртку старой деревянной форточки, но мать перехватила её взгляд:

— Не трогай форточку, Ася! Верхняя петля просела, откроешь — до утра не захлопнем, будет сифонить. Денис ещё на той неделе обещал стамеской паз выбрать и новую планку прикрутить, да всё некогда ему с вашими заказами…

Мать осеклась и повернулась к дочери, держа ложку над кастрюлей.

— Он тебе угрожал?

— Кто?

— Не делай так, Ася, — голос матери сразу отвердел. — Ты понимаешь, про кого я спрашиваю. Олег. Он тебе угрожал этим договором?

Ася откинулась к холодильнику. Во вторник Денис действительно швырнул рулетку через весь участок, прочитав черновик Беловой. Но с тех пор договор переделали.

— Был плохой черновик в начале недели, — тихо ответила Ася. — Там стоял год обязательной отработки. Я сама сказала и Олегу, и Беловой, что такие условия не подпишу.

— Вот видишь! — мгновенно подхватила мать. — Денис мне ещё в среду говорил: «Мама, они хотят Аську в рабство продать за наши долги!».

— Мам, это было во вторник. А вчера, в четверг, Белова прислала исправленный вариант. Год оттуда убрали. Оставили всего четыре выезда за две недели — два контрольных обмера на объектах и две рабочие сдачи чертежей технологу. И Денис стоял в копии этого письма.

Людмила Николаевна выловила шумовкой один розовый пельмень, разрезала ребром ложки на блюдце — внутри фарш ещё оставался сыроватым — и столкнула половинки обратно в кипяток.

— А сегодня он пришёл с другой папкой. Ты же слышала: три объекта и старый брак.

— Я не знаю, что там было.

— Вот и не надо сейчас разбирать. Ты поешь. Завтра будем узнавать.

Мать придвинула стул поближе к Асе, поставила перед ней тарелку и положила сверху кусок масла. Сама не села.

Масло таяло на розовом тесте. За рынком её ждала другая жизнь: комната с двумя окнами, которую нашёл Олег, и первая кухня для Ларисы. Двадцать первого октября они ездили смотреть помещение; Ася уже тогда вымеряла простенок под верстак. В конверте лежали семьдесят восемь тысяч на переезд — премии за сложные заказы и ночные подработки. Ещё тридцать оставались на карте, чтобы прожить месяц без зарплаты. Дома она про комнату не сказала.

А теперь Денис сидел в ИВС и твердил, что тот же Олег продал её Беловой вместе с чужими долгами.

— Ешь, пока не остыло, — мать придвинула сметану. — Хоть три штуки проглоти.

Ася левой рукой наколола пельмень и с трудом прожевала тесто. Телефон лежал у хлебницы.

В шестнадцать минут второго ночи зазвонил телефон. Мать гремела кастрюлей у раковины, и Ася вышла в коридор.

— Алло!

— Воронова Анастасия Валерьевна? — спросил негромкий мужской голос. — Следователь Майоров, Следственный комитет. Из больницы сообщили: Карпов скончался. В ноль сорок пять.

— Точно… Олег? — переспросила Ася.

— Да, Олег Викторович, — повторил он после паузы. — Мне очень жаль. Утром в десять сможете приехать? Запишите адрес, он другой, не отдел полиции.

Она записала адрес на квитанции, дошла до ванной и согнулась над раковиной. Утром Олег доказывал ей, какой должна быть фаска на столе для Кости, чтобы не давило локти. Пока они варили пельмени, он умер.

В дверях ванной появилась осунувшаяся Людмила Николаевна. Молча намочив под краном вафельное полотенце, она приложила его к затылку дочери и помогла подняться.

— Умер? — одними губами спросила мать на кухне.

Ася кивнула, пряча лицо в сгиб локтя.

Людмила Николаевна постояла у окна, а потом шагнула к буфету, достала записную книжку и старый смартфон.

— Мёртвого из земли не поднимешь, — низким, затвердевшим голосом произнесла она. — Царствие ему небесное, грех большой, но его нет. А Денис живой. За такое его надолго посадят, Ася. Адвоката надо искать. Настоящего, платного.

Она ушла с телефоном в проходную комнату Дениса и десять минут быстро, умоляюще говорила с кем-то вполголоса, повторяя «беда на производстве, защищал сестру». Вернувшись, положила под солонку листок: *«Жанна Борисовна, адвокат по особо тяжким»*.

— В восемь утра она перезвонит. У меня на книжке двести восемьдесят тысяч лежат, которые я на ванную и на свои похороны держала. Сниму в понедельник Жанне Борисовне на первый взнос сколько скажет.

— Мам… — хрипло выговорила Ася. — У Олега Наташа осталась. И Илья, ему восемнадцать…

— Я про Наташу помню! — резко перебила мать и крепко сжала здоровую руку дочери. — Поможем, когда всё уляжется. Но утром следователь тебя спрашивать будет. Ты же скажешь им правду: что Денис за тебя горой стоял, а Олег тебя этим договором с Беловой прижимал?

— Денис мне помогал, мам. А что было в сегодняшней папке Олега, я ещё сама не видела.

В комнате Ася легла, не раздеваясь. Под ночным звонком Майорова оставалась строчка: *«Олег — 18:12 (пропущенный)»*. Она открыла карточку вызова. Казалось, нажми сейчас — и он скажет: «Ну наконец-то, Ась, бросай эту даму и иди сюда». Зелёная кнопка была на прежнем месте.

Глава 3. Опечатанный кабинет

В субботу Ася вернулась в мастерскую после допроса, в первом часу дня.

Майоров всё возвращался к началу показа: кто оставался в зале, кто ходил в кабинет. Денис, по его словам, утверждал, что после обеда там не работал и почту до вечернего разговора с Олегом не открывал.

— Вы сами его у компьютера видели?

Ася стала рассказывать, как они собирали раму. Следователь дождался, пока она закончит, и повторил вопрос теми же словами. Она ответила, что не видела.

На последней странице протокола стояло: «После шестнадцати часов в кабинет не заходила». Ася подписала. Уже на лестнице вспомнила переходник, за которым заходила в начале показа, и Дениса у Олегова монитора. Он тогда щёлкнул мышью, экран погас. Она не знала, что было открыто, но видела его за столом. Вернуться было можно — дверь за её спиной ещё не захлопнулась. Ася постояла на площадке, прислушиваясь к шагам внизу, и спустилась дальше.

Ночную ледяную крупу с дождём во дворе промзоны раскатали грузовиками в бурую кашу. Створка железных ворот, которую вчера вечером они с посетительницей еле сдвинули с места, стояла распахнутой наполовину. Возле крыльца под жестяным козырьком переминался с ноги на ногу водитель и сборщик Миша; у его ботинок стояли два пустых ящика из-под фурнитуры.

Увидев Асю с перевязанной правой ладонью, Миша выбросил сигарету в мокрую наледь у водостока и забрал у неё тяжёлую сумку с чертежами.

— Как ты, Ась? Следователь долго держал?

— Полтора часа. Всё про вчерашний вечер расспрашивал и про то, кто за какие бумаги в фирме отвечал.

Миша помолчал, переступая по наледи, потом кивнул на свою старенькую тентованную «Газель» у забора:

— Слушай, я понимаю, что сейчас не до того, но мне надо знать по графику. На четверг доставка и сборка встроенного шкафа в Березняках остаётся в силе или отбой даём?

— Почему отбой? — резче, чем хотела, спросила Ася и прислонилась плечом к кирпичной кладке. — Прости, Миш. Голова с ночи гудит. Что у нас по Березнякам не готово?

— Корпус Палыч ещё в четверг собрал, он в цеху под плёнкой стоит, — перечислил Миша. — Два верхних фасада у Лены в малярке, она вчера перед показом один забрала цвет сверить. И по крепежу: скрытые петли с доводчиками со склада не забрали, счёт не оплачен. Но если всё встаёт, ты мне хотя бы к понедельнику скажи, чтобы я день порожняком не терял. У меня кредит за коробку передач двадцатого числа.

— До понедельника подожди, ладно? Я сегодня с Ириной Фёдоровной и Леной разберусь. В цех уже пускают?

— В зал и в столярку разрешили, участковый утром снимал охрану. Только кабинет не трогай, там опечатано. Палыч с девяти внутри, и Ирина Фёдоровна полчаса назад приехала.

В выставочном зале было полутемно и холодно: конвектор на ночь не включили. На крышке ясеневого комода тускло поблёскивали две ручки — матовая чёрная и латунная, положенная отверстиями вверх. Ася обошла комод по дуге и толкнула дверь в производственный коридор.

— Комод вчерашняя женщина не берёт, — сказал Миша за её спиной. — Позвонила утром. Говорит, каждый раз будет вспоминать, как тут стояла.

Ася посмотрела на две ручки. Вчера женщине оставалось только выбрать одну.

Ася повернулась к раздвижному столу. Он тоже оставался свободным.

— Сфотографируем оба. Выложу, может, продадим.

— А обувницу с сервантом в понедельник развезу. Те оплачены, хозяева ещё до показа ждали.

Она кивнула. Полный зал мебели вдруг оказался двумя вещами, на которые ещё требовалось найти покупателя.

Дверь кабинета заклеили бумажными полосами с печатями. У порога бетон замыли, но в щелях у верстака осталась почерневшая стружка. Ася остановилась, стараясь не наступать на неё.

Из глубины столярного участка послышался шорох жёсткой щетины по бетону.

Палыч сгонял вчерашнюю пыль к вытяжному кожуху. Ватник он не снял, хотя стоял у станка уже третий час. Увидев Асю, прислонил щётку к станине.

— Живая, дочка? — хрипловато спросил он, глядя на бинт.

— Живая, Павел Ильич.

— Утром пришёл — замок висит. Мишка сказал, Олег помер, Дениса закрыли. — Палыч провёл ладонью по линейке станка. — Мы ведь этот цех с голого бетона поднимали. Из-за чего они так, Ася?

— Денис сказал — из-за договоров с Беловой. Будто Олег хотел старые долги и чужие заказы на меня переписать.

Палыч тяжело вздохнул и покосился на стеллаж, где под плёнкой стоял ясеневый корпус для Березняков.

— Долги с августа катились. В «Сосны» три раза ездили переделывать. Олег вчера мне говорит: подожди до понедельника.

Палыч посмотрел на часы над прессом.

— У меня за октябрь тридцать пять не закрыто. И стол мальчонке стоит. Подстолье склеил, щит отложил. А с верхом что делать?

— Стол я сама доведу, Павел Ильич, — твёрдо сказала Ася. — Опоры подстолья не разбирайте, а верхний чистовой щит пока не трогаем, сначала узел наклона на фанерном макете проверим.

За перегородкой Ирина Фёдоровна дёргала застрявший в принтере лист. Обычно бухгалтер приезжала по вторникам и пятницам; сегодня пришлось бросить две другие фирмы.

— Железка чёртова… Ася, нажми серый флажок слева, это последний экземпляр реестра для следователя.

Ася прижала рычажок вала, и бухгалтер вытянула лист с полосой тонера. На обложке верхней папки темнел кружок от кофейной кружки Олега — в четверг он сидел здесь до восьми вечера, сводя остатки по поставщикам.

— Ирина Фёдоровна, Палыч и Миша спрашивают про деньги за октябрь, — начала Ася. — И по Березнякам нужно счёт за петли оплатить, иначе в четверг шкаф не сдадим.

Бухгалтер сняла очки на цепочке, прижала пальцы к припухшим векам и вдруг мелко, по-бабьи перекрестилась на угол со шкафом:

— Ох, не начинай с платежей, — сказала Ирина Фёдоровна. — Доверенность у меня от Дениса есть, он директор. А банковский ключ в сейфе, и сейф за этой дверью. Следователь обещал выдать после описи, теперь жди. Я ему уже третий раз звоню. У меня ещё две фирмы, до понедельника им расчёты сдавать. А тут — брось всё и сиди.

Принтер снова зажевал бумагу. Ирина Фёдоровна ударила ладонью по крышке.

— Диму надо вызвать. Он нам почту наладил, может, и это починит. Только денег ему нет. Садись, Ася. Выпиши, кто прямо завтра придёт с нас спрашивать. Что можно отложить, то отложим.

Ася левой рукой выписала в тетрадь текущие заказы: ясеневый шкаф для Галины Борисовны в Березняках, стол по медицинскому заданию с наклонной столешницей для Кости (аванс семьдесят пять тысяч от Ольги Андреевны получен две недели назад, в середине

октября), два летних гарантийных хвоста, которые по четверговому проекту соглашения забирала Белова, и предзаказ на кухню на Северной улице для Ларисы.

— Ну вот со шкафа этого в Березняках да с мальчика и начинай, — вздохнула Ирина Фёдоровна, кутаясь в пуховый платок. — А договоры этой вашей Беловой все в кабинете на столе остались, под печатью.

В коридоре хлопнула дверь. Артур Суренович, хозяин склада шпона и плиты, вошёл, не сняв перчаток. От куртки пахло соляркой.

— Здравствуйте, — сказал он, прикрывая за собой фанерную дверь. — Что, правда, значит, люди на базе с утра говорят? Неужели Денис Олега так… совсем?

Ирина Фёдоровна испуганно замахала на него руками, придвигая к груди папку с выписками:

— Артур Суренович, миленький, у нас тут милиция с утра, следствие идёт, не до накладных сейчас! Вот отдаст следователь бумаги из сейфа, тогда и сверять будем…

— Ирина Фёдоровна, я не к следователю приезжал, — не повышая голоса, остановил её Артур Суренович и перевёл тяжёлые чёрные глаза на Асю. — Я к сестре Дениса приехал. Пойдём на минуту в цех выйдем, Ася, поговорить надо.

В холодном проходе у обтянутого плёнкой шкафа для Березняков Артур Суренович постучал широкой костяшкой пальца по звонкой ясеневой боковине:

— Я завтра к Наташе съезжу, — сказал он. — Сегодня не могу. Не знаю, что ей сказать.

Он снял руку с дерева, засунул в карман.

— А у меня во вторник машины с материалом. На разгрузку и расчёт с поставщиком денег нет. Четыре ваших накладных неоплаченные, с конца лета. Триста десять тысяч.

— Подождите. Денис в октябре говорил, что за шпон мы закрылись.

Ася достала тетрадь, но не нашла свободной страницы и перевернула её с конца.

— Значит, неправду сказал. После «Сосен» попросил орех и плиту с отсрочкой. Потом ещё. Я отпустил. Олег вчера обещал: Белова станки заберёт, рассчитаемся. Я ему поверил.

Артур Суренович кивнул на шкаф.

— Лист на доборы у меня отложен, лак тоже. Но теперь только по оплате. Ирина Фёдоровна мне ваш склад показывала — там кое-что можно вернуть в зачёт. Приеду, посмотрю, когда пустят. А новый материал в долг больше не дам.

Ася помнила вечер у пресса в августе. Она спорила с Денисом, а потом взяла сумку и ушла. Через три дня, девятого августа, первая партия панелей уехала в «Сосны». Олегу она тогда сказала только, что брат опять торопится.

Когда за Артуром Сурeновичем захлопнулась дверь, у Аси зазвенел телефон. Высветилось: *«Галина Борисовна (шкаф Березняки)»*.

— Анастасия, добрый день! Почему я с утра не могу дозвониться ни до Олега, ни до вашего брата? У меня в пятницу прилетает дочь с зятем, мы ждём монтаж строго в четверг к десяти утра! Никаких сюрпризов с зелёным цветом на вставках не будет?

Ася посмотрела на синюю печать полиции на двери кабинета и ответила ровным тоном конструктора:

— Добрый день, Галина Борисовна. Корпус собран, фасады у мастера, завтра я лично сверю выкрас по вашему образцу «Зелёный третий».

Едва она нажала отбой, позвонила Ольга Андреевна — мама Кости. В трубке на заднем плане громко шипел телевизор и слышался капризный мальчишеский голос: «Мам, ну расстегни нижнюю липучку, мне в бок режет!».

— Анастасия, извините, что в субботу дёргаю. Костя, подожди минуту! — Ольга отодвинулась от трубки и снова заговорила. — Нас выписали, а за обычным столом он с новым корсетом десяти минут не выдерживает. Олег Викторович обещал, что вы в выходные высоту под локти померите. А сам трубку не берёт. Вы про нас помните?

На верстаке лежал склеенный Палычем каркас Костиного стола. Сверху кто-то поставил банку с саморезами.

— Ольга Андреевна, Олег Викторович умер, — сказала Ася.

В трубке перестал шипеть телевизор.

— Господи. Я не знала. Простите.

— Теперь по столу звоните мне. На неделе я приеду к вам с Костей на примерку шаблона и сама доведу стол до конца. Обещаю.

Оставшись одна, Ася нашла в машине деревянную плашку образца *«Зелёный 3»*, сфотографировала при дневном свете и отправила Лене. Через минуту пришёл ответ: *«По фото в телефоне всё врёт на полтона. Привези завтра утром сам образец ко мне домой, дверца у меня. Только я дома красить не буду, сразу говорю»*.

Домой Ася вернулась в сумерках. Людмила Николаевна днём всё-таки дёрнула кухонную форточку, и рассохшаяся рама намертво застряла в пазу, пропуская ледяную тягу. Мать светила фонариком, пока Ася здоровой левой рукой и локтем перевязанной правой подбивала створку сложенной картонкой, чтобы завёртка вошла в гнездо.

— Мне в декабре вклад продлевать, двести восемьдесят тысяч на книжке лежит, — тихо сказала мать в темноте кухни. — Думала весной плитку в ванной переложить…

— Не надо трогать твой вклад, мам. Мы сдадим шкаф в Березняках и закроем дыры.

— Какая уж теперь ванная, Ася, — жёстко ответила Людмила Николаевна. — Нам Жанне Борисовне аванс везти, и цех Денисов бросать нельзя, пока он там сидит. Мой руки, суп на плите.

Глава 4. Зелёный выкрас

В воскресенье утром Лена позвонила без четверти десять и попросила привезти образец выкраса к ней домой, на улицу Механизаторов. Верхний фасад от шкафа для Березняков она забрала из цеха ещё в пятницу днём, до начала показа, чтобы сверить сложный серо-оливковый тон при дневном свете у окна.

— Слышь, Аськ, только давай сразу на берегу: я дома вонять растворителем не буду и пистолет даже из сумки не вытащу, — скороговоркой выпалила Лена в трубку под грохот кастрюль и мультик из телевизора. — А то Мишка в тот раз брякнул при Денисе, будто у меня на лоджии филиал малярки, так твой брат тут же обрадовался, решил, что мне можно на выходные срочные деревяшки домой таскать. Приложим твою дощечку к моей, глянем на свету, и завтра в цеху пыльну.

Ася достала из бардачка машины квадратный обрезок ясеневого шпона на МДФ, покрытый матовой эмалью холодного шалфейного оттенка. На обратной, некрашеной стороне аккуратным чертёжным почерком Аси карандашом было выведено: *«Зелёный 3. Галина Борисовна подтвердила 14.10»*. А чуть ниже, поверх её тонких букв, с таким нажимом, что грифель продавил волокна, рукой Дениса была прочерчена жирная стрелка: *«НЕ зелёный 2!!! Смотреть в оба!»*.

Ася провела здоровым большим пальцем по этой глубокой борозде. Три недели назад они с братом поругались из-за этих выкрасов посреди раскроечного участка: Ася нечаянно сложила в один пакет утверждённый третий номер и забракованный второй, уходивший в желтизну. Денис тогда исчеркал оборот дощечки и полчаса кричал на весь цех, что перекрашивать двадцать квадратов ясеня за свой счёт придётся ему, а через час молча положил на угол её кульмана горячий сочник с творогом из пекарни за углом — мол, проехали, работаем дальше.

Лена ждала у подъезда за трамвайным кольцом. Из расстёгнутого пуховика торчала фланелевая рубашка. Она затянулась и спрятала сигарету от ветра в ладони.

— Ты сегодня спала вообще, нет? — спросила она без здравствуйте, косясь на забинтованную кисть у Асиного рукава.

— Часа три под утро.

— Ну, краше в гроб кладут. Пошли давай, а то у меня малой сейчас все гренки сожрёт.

На четвёртом этаже пахло подгорелыми гренками. Половину кухонного стола занимал фасад Галины Борисовны, уложенный на детскую пелёнку в зайчиках. На второй половине лежали прописи и фломастеры без колпачков.

Лена локтем сдвинула тетрадки к сахарнице, приложила образец *«Зелёный 3»* к своему пробнику и поднесла обе дощечки к мутному стеклу балконной двери.

— Ну да, тройка, — кивнула она, крутя плашки так и эдак. — Тот, второй, под лампочкой сразу в какую-то тину болотную отдаёт, чисто поликлиника, а этот ничего, благородненький. Только имей в виду, Аськ: у меня в банке этой краски на донышке осталось, едва на раз пройтись. Надо завтра с утра у Артура такую же эмаль с отвердителем выцарапать, иначе я тебе к среде шиш с маслом сдам, а не фасад.

Когда Лена опустила дощечки на простыню и потянулась к чайнику, рукав её фланелевой рубашки задрался. На тонком правом запястье, прямо поверх косточки, отчётливо темнели четыре багрово-синих пятна — точный отпечаток мужских пальцев, схвативших руку со всей силы.

Ася замерла с карандашом над листком.

— Это с пятницы? Денис тебя так схватил?

Лена быстро одёрнула манжету вниз, застегнула пуговицу и отвернулась к раковине:

— Ну не Олег же.

Она помолчала, потом прошла в коридор, плотно прикрыла дверь в комнату, где бубнил телевизор, и села на табурет напротив Аси, уперев локти в клеёнку по обе стороны от ясеневой дверцы.

— Ты ведь не из-за одного зелёного выкраса ко мне в воскресенье утром приехала, да, Ась?

— Из-за выкраса тоже, — Ася подняла на неё глаза. — Но мне нужно понять, что там произошло, Лен. Денис, когда его уводили, крикнул при всех, что Олег хотел повесить на меня три чужих объекта и старый брак. Ты же была там в последнюю минуту. Ты видела, с чего началось?

Лена заправила светлую прядь за ухо.

— Сначала не видела. Я пистолет помыла, понесла ключ вешать, — Лена смотрела на грунт, забившийся в угол дверной рамки. — Они уже орали. Дверь приоткрыта, свет из щели. Олег с синей папкой, из неё листы торчат. Серую уже на стол раскрыл. Денис к синей тянется.

— Что ты расслышала?

— «Хватит комедию ломать», — Лена потерла затылок. — Это Олег. Потом: «Она подпишет как миленькая, выбора нет».

— Олег сказал?

— Его голос. Только начала я не слышала. Может, он Денису его же слова повторял. Они друг на друга орали, Ась. Я тебе не диктофон.

За стеной гудела водопроводная труба. Значит, Денис не выдумал сами слова. Ася хотела ухватиться за это, но Лена, словно заметив, качнула головой.

— А потом?

— Потом Олег дверь на себя рванул: «Позови её, пусть сама скажет! Ты всё за неё решил». И ещё, что он тебя топит. Денис заорал про кабалу. Киянку с полки схватил, а меня — за руку.

Лена подвинула кружку, чтобы Ася увидела запястье, и тут же спрятала его под рукав.

— Отшвырнул в коридор. Я за край раскроечного верстака, прямо на батарею.

— В травмпункт ездила?

— Ночью Мишка отвёз. Ушиб, на снимке цело. Копию справки вчера следователю отправила. А с утра мать твоя звонила — спрашивала, точно ли я киянку видела.

Ася опустила глаза. Она тоже приехала спрашивать о киянке, а на Ленину руку посмотрела только сейчас.

Лена осторожно повела плечом:

— Я ведь, Ася, почему эти выкрики про *«подпишет»*, *«кабалу»* и *«не просила»* так в память вбила? Я в ту секунду даже не про тебя подумала — решила, что они за моей спиной мой перевод к Беловой делят, как крепостную.

Ася непонимающе моргнула:

— Какой твой перевод, Лен?

— Обыкновенный. Белова в четверг позвонила, позвала камеру посмотреть. Зарплата белая, два раза в месяц. Я и подумала: Денис не отпускает, пока шкаф не докрашу, а Олег меня уже обещал. Полезла сама за себя сказать.

Чайник щёлкнул. Лена не встала.

— Сижу за верстаком на корточках, в глазах темно, телефон ищу. Он под трубы улетел. Дверь оттуда вообще не видно. Слышу — стул упал. Потом два удара. Не видела я их, Ась, только слышала. Когда встала, Денис уже на верстаке сидел. А Олег на полу. Я ветошь схватила, звонить стала.

Она поднялась за чайником. На столе завибрировал телефон. Лена прочитала сообщение и сразу набрала ответ.

— Завтра оригинал отвезу, — сказала она. — И ещё раз про руку расскажу. Майоров время прислал.

— Я могу…

— Не надо. Сама доеду. Ты эмаль достань.

— Я всё так и рассказала на допросе. Меня уже два раза спрашивали. Откуда киянка, какой рукой, куда папка делась. Не помню, куда папка. Олега помню.

Она поставила полную кружку кипятка перед Асей.

— Подожди, Лен… — медленно проговорила Ася, поднимая голову. — Ты правда уходишь к Беловой? Мы же с тобой весь октябрь разговаривали. Я думала, когда сниму комнату у Григория Ивановича за рынком и начну брать свои заказы, мы будем делать отделку вместе.

Лена поставила свой пробник поверх Асиного.

— Я помню. Но у тебя ещё даже помещения нет. Где красить? Я у Катьки камеру видела, вытяжка новая. Место до двенадцатого за мной держит.

— Мы же вместе собирались.

— Я не могу сейчас ждать.

В прихожей хлопнула дверь детской, и на кухню ввалился девятилетний сын Лены — вихрастый, в криво застёгнутом пуховике и со сменкой на верёвочке. Выдернул из тройника телефонную зарядку, схватил со стола холодный ломтик булки в яйце, сунул целиком в рот, прошамкал: «Мам, мы к Тёмке, у них бабка оладьи жарит!» — и через секунду загрохотал кроссовками по ступенькам.

Лена прислушалась, как хлопнула внизу подъездная дверь, смахнула со стола крошки в ладонь и снова повернулась к Асе:

— Сыну куртка мала. Видела рукава? А я ему с сентября говорю: подожди до зарплаты. У вас всё время подожди.

Она провела пальцем по кружке.

— В тот раз царгу домой взяла — он от растворителя всю ночь блевал. Теперь ещё это. Я в вашу столярку заходить боюсь. Так что не рассчитывай на меня, Ась. Фасады сдам, как обещала. Дальше — к Беловой.

Ещё неделю назад они делили мандарин на перевёрнутом ведре в малярке, и Лена ругала конвейер Беловой. Ася тогда слышала в этом согласие работать вместе. Теперь хотелось забрать фасад и уйти. Она допила чай, даже не почувствовав вкуса: красить дверцу за три дня до сдачи больше было некому.

— По Березнякам я вопрос с эмалью решу, — сухо сказала Ася, поднимаясь из-за стола. — И если счёт фирмы заморозят, за покраску этих двух фасадов рассчитаюсь с тобой лично, не пропадёт твоя смена. Только доделай их, Лен.

— Фасады сделаю, тут моё слово твёрдое, я Галине Борисовне сама цвет подбирала, — кивнула Лена в прихожей. — Плашку *«Зелёный 3»* оставь пока у меня, пусть лежит на шкафу, пока эмаль не высохнет.

Спустившись во двор, Ася села в холодную машину и полезла в боковое отделение сумки. Вытянув мешавший свёрток, она развернула на руле рабочий чертёж растущего стола для Кости. В правом нижнем углу ватмана, поперёк размерной линии, была пятничная помета Олега: *«Проверить вес съёмной полки! Если Ольга одна без Аси — не удержит одной рукой»*.

Олег хотел показать ей отправленные бумаги. «Я там за тебя лишнего наговорил». Ася вспомнила, как он убрал листы при посетительнице. Денис об этом не сказал ничего.

Ася отложила чертёж, открыла в телефоне четверговое письмо Екатерины Беловой и набрала сообщение: *«Екатерина Валерьевна, добрый день. Хочу завтра утром приехать к вам на производство, сверить перечень работ и договоры, которые готовил Олег»*.

Ответ пришёл меньше чем через минуту: *«Жду завтра в 9:30 у себя в цеху. Не опаздывайте, в десять планёрка»*.

После обеда позвонила мать. На заднем плане хлопала тяжёлая дверь, голоса отдавались эхом.

— Оставили под стражей, — сказала она. — До конца декабря. Жанна просила домашний, говорила: адрес есть, работа есть. Судья всё равно оставил.

Ася молчала, прижимая телефон здоровой рукой.

— Я характеристику из цеха привезла. Думала, ему хоть передадут, что Палыч написал. Жанна сказала, подаст жалобу.

Мать попросила узнать, куда Дениса перевезут и когда примут тёплые вещи. Про решение суда больше не говорила. К вечеру на кухонном столе лежал новый список передач, написанный крупнее прежнего.

Глава 5. Станок с чужого плеча

В воскресенье вечером Ася закрылась в комнате: за стеной наконец уснула мать.

Нужно было перебрать рабочие лекала для стола Кости и подготовить папку к завтрашнему утреннему разговору с Екатериной Валерьевной Беловой. Ася включила настольную лампу на струбцине, прижала здоровым локтем к доске кульмана рулон миллиметровки и выдвинула нижний ящик тумбы, где хранился её личный мерительный инструмент.

На дне ящика лежал старый жёлтый уровень с вмятиной возле колбы. Ася вынула его и положила рядом с чертежом Костиного стола.

Ей тогда было восемнадцать лет. Она училась на втором курсе художественно-промышленного института на конструктора мебели, а после смерти отца прошло уже восемь лет.

Денису было двадцать семь. Он работал у частника и возвращался к полуночи; мать лишилась трети премии. Асе предстояло делать дорогой курсовой макет из букового шпона. Она написала заявление на заочное, чтобы пойти кассиром, и спрятала бланк в учебник сопромата.

Денис нашёл этот бланк случайно, когда искал на её кульмане линейку.

Он тогда не кричал. Молча порвал бумажку на четыре части, выбросил в ведро под мойкой, а через три дня приехал домой на трамвае, без своей тёмно-зелёной подержанной «Ауди-восьмидесятки» — той самой старенькой «бочки», которую два года перебирал по выходным в холодном гараже.

«Куда машину дел?» — испугалась Людмила Николаевна, выглянув в окно во двор.

«Продал перекупам, мам, — коротко бросил Денис, выкладывая на кухонную клеёнку перетянутую банковской резинкой пачку тысячных купюр. — Нечего железу под окнами гнить. Вот тут Аське за учёбу в институте вперёд и на шпон для курсового макета, чтобы я больше никаких заявлений на заочку в доме не видел. А на остаток я в Заречье у банкротов форматно-раскроечный станок забрал и холодный бокс у железной дороги в аренду взял. Хватит на дядю спину гнуть, своё дело открываем».

Станок разгружали под ноябрьским дождём. Палыч подкладывал стальные трубы под станину, Ася светила фонарём. Когда натягивался трос лебёдки, она отступала к воротам.

А через два месяца, в январские морозы, случился её первый самостоятельный заказ.

Знакомая матери по регистратуре, тётя Зина с улицы Труда, попросила сделать встроенный книжный стеллаж от пола до потолка в нишу сталинского дома. Денис разрешил Асе взять эту работу целиком на себя — от замера до монтажа.

Она промерила нишу внизу и на уровне груди, начертила стеллаж со скрытыми полкодержателями. Под присмотром Палыча раскроила сосновые щиты и в субботу поехала собирать.

У потолка стена заваливалась внутрь почти на два пальца. Стеллаж упёрся углом в откос. Ася решила обойтись без брата: вынесла боковину на площадку, взялась подрезать лобзиком. Пилку увело на сучке, и по лакированной кромке пошёл задир длиной в ладонь.

В половине четвёртого дня Ася, глотая злые слёзы, позвонила Денису.

Он приехал через сорок минут на арендованной почасово «Газели» — бросил в боксе срочный коммерческий распил. Поднялся по ступенькам, молча посмотрел на её красные уши и спросил только одно:

— Ты уровень с собой на замер брала?

Ася опустила глаза. Уровень она тогда забыла дома на подоконнике.

Денис не сказал ни слова. Взял ящик с инструментом и этот самый жёлтый алюминиевый уровень и пошёл наверх. Пока они грузили разобранный стеллаж обратно в кузов, Ася шептала ему за спиной: «Денис, скажи тёте Зине ты, пожалуйста, объясни, что геометрия стены сложная…».

Брат встал на одно колено у порога, сматывая удлинитель, и спокойно ответил:

— Нет, сестрёнка. Заказ твой — ты ей сама в глаза и объясни, почему мы к ночи вернёмся. А я тут пока щиты подержу.

Она возненавидела его: знал ведь, как ей страшно идти к хозяйке. На кухне, не поднимая глаз, объяснила, что ошиблась в замере и испортила боковину. Обещала к ночи привезти новую без доплаты. Денис всё это время держал щиты в коридоре.

А потом были четыре часа в промёрзшем боксе под вой тепловой пушки. Денис достал запасной сосновый щит. Прямой рез Ася сделала на раскроечнике; кривой край под стену они перенесли с картонного шаблона, выпилили лобзиком с запасом и довели рубанком. Денис держал деталь, пока она снимала тонкую стружку.

— Хватит. Теперь приложи.

— Ещё полмиллиметра.

— Сначала приложи, Ась. Назад не приклеишь.

В половине двенадцатого ночи стеллаж встал в нише. Тётя Зина уже спала в кресле; пришлось будить, чтобы показать полки.

Ася задвинула ящик ногой.

На телефоне высветилось сообщение Вари: «Мама рассказала. Позвони, когда сможешь. Или просто приезжай». Ася положила телефон экраном вниз. Варя была сестрой Андрея. Если позвонить, он тоже узнает. Может быть, уже знает.

Они познакомились три года назад. По выходным снимали однушку на Привокзальной, пили вино из чайных стаканов. Андрей стягивал с неё два свитера, смеялся: «Ты у них в холодильнике работаешь?» Ася просила не оставлять следов на шее — в понедельник в цех.

Однажды Денис позвонил туда в воскресенье утром: у матери давление. Ася уже надевала джинсы, когда Андрей протянул ей свой телефон. Он успел набрать Людмилу Николаевну: та шла из магазина, купила рыбу, собиралась жарить.

— Всё равно заеду. Раз обещала.

— Ты ещё не обещала, — сказал Андрей.

Она помнила, как он убирал со стола второй завтрак. Не хлопал дверьми, не спорил. Тогда его молчание злило сильнее Денисова крика.

Когда Андрей получил работу в Новосибирске, она сказала, что не может бросить цех посреди сезона. Он спросил, когда сезон закончится. Ася ответила: после Нового года. Но билет так и не купила. В чужом городе ей пришлось бы искать работу, платить за жильё, делать всё без знакомого с детства верстака и без брата, которого можно было позвать при любой аварии.

Теперь у Андрея была жена. Ася знала, где они летом отдыхали и какую куртку эта женщина носит в горах. Иногда, открыв ночью её страницу, сама себе говорила: последний раз.

Денис после ухода Марины тоже стал чаще ночевать в цеху. На его диване лежало автомобильное одеяло; однажды Ася увидела под ним пустую глубокую тарелку и принесла чистую. Они так и не поговорили о Марине.

Варино сообщение ещё светилось в уведомлениях. Ася набрала: «Потом, ладно?» — и стёрла. Подруга всё равно бы ответила: «Ладно».

Олег пришёл семь лет назад, когда они переехали из бокса в нынешний цех. Денис к тому времени наладил поток аптечных шкафов и офисных столов, но любой разговор о сложном профиле заканчивал одинаково: «Нечего огород городить». Ася после лекций чертила в углу и получала деньги, когда в кассе оставалось на её проезд или куртку.

В первую неделю Олег обошёл станки, поговорил с Палычем о влажности дуба и остановился у её кульмана. Вытянул отвергнутый Денисом эскиз консоли с поворотными ящиками.

«Это кто чертил? — спросил он, поворачивая ватман к свету. — Сама узел считала?»

«Сама, — буркнула Ася. — Только Денис сказал, что на гнутоклееный фасад матрицу делать дорого, не окупится».

«На одной тумбочке не окупится, — согласился Олег. — А если продать этот узел в кабинет загородного дома вместе с библиотекой и кессонным потолком за миллион восемьсот тысяч, матрица отобьётся в первые полчаса».

Через две недели он привёз первого такого заказчика — владельца юридической конторы. Когда клиент уехал, оставив неслыханный аванс в шестьсот тысяч, Денис разложил синьки Аси на верстаке, взял красный маркер и принялся перечёркивать её сложные угловые соединения «на ус» и поворотную ось бара:

«Эту китайскую грамоту убираем. Карниз режем из прямого погонажа, бар ставим на обычные шариковые направляющие, заднюю стенку бьём из ХДФ в паз. Аська, перечертишь к понедельнику в простой крой».

Ася уже привычно потянулась за ластиком, но Олег вдруг положил ладонь поверх её руки с карандашом:

«Руку убери от чертежа, Денис».

Лицо брата пошло красными пятнами:

«Ты мне в моём цеху указывать будешь, как доску пилить?»

«Цех у нас по договору общий, пятьдесят на пятьдесят, — ровно ответил Олег. — И человек заплатил за согласованный эскиз. Дешевле сделать можно, но тогда нужно заново считать цену и спрашивать заказчика. Мы сделаем этот бар точно так, как нарисовала Ася. И ещё одно: с этого заказа и со всех следующих нестандартных вещей Ася получает семь процентов от чистой стоимости договора отдельно, на свою карту, в день подписания акта приёмки».

Денис изумился так, что даже рассмеялся:

«Ты чего выдумываешь, коммерсант? Мы же одна семья, один котёл! Ей надо на пальто — она подошла, взяла из кассы сколько есть!»

«Ей двадцать, Денис. Сколько она у тебя ещё на ботинки просить будет? Семь процентов по ведомости. Подписывай».

Пять лет назад Ася вышла в цех на полный день, и Ирина оформила её в штат. Семь процентов приходили не с каждого заказа: многие не доходили до договора, за другие долго не могли получить окончательный расчёт. Но это были её деньги. Она купила машину, помогла матери с зубами, постепенно собрала конверт на мастерскую. Олег иногда напоминал об этом, когда просил задержаться без отдельной оплаты: «Я же тебе ставку выбил, Ась. Выручи теперь меня». И она оставалась.

На телефоне появилось новое сообщение: Варя прислала только точку. Ася ответила такой же. Потом написала: «Я тогда твою пластинку забрала. Ту, где оркестр гудит перед началом. Не забыла?»

«Не забыла. Ты сама её третью неделю слушаешь».

Ася улыбнулась. Конверт стоял между книгами, нижний угол уже замялся. Она освободила для него место на полке и на обрезке миллиметровки прикинула ящик — низкий, чтобы обложки были видны целиком. Подписывать размеры сегодня не стала.

Глава 6. Две папки у Беловой

За Южным шоссе Ася едва не проскочила поворот: за развязкой тянулись одинаковые серебристые ангары. У проходной Беловой уже ждали две фуры. На подъёме «Фабия» заглохла; Ася снова выжала сцепление, которое брало у самого пола, и завела мотор под сигнал сзади.

Белова встретила её под стеклянным козырьком. Не выпуская стакана кофе, показала водителю погрузчика, к какому пандусу подавать палеты.

— Доброе утро, Анастасия. Руку в пятницу?

— О ручку в зале порезалась.

— Мне в субботу сообщили. И про Олега, и про вашего брата.

Она пропустила Асю на лестницу. На втором этаже за стеклом галереи был виден весь цех. От станков не тянулись провода через проход.

У двух мониторов мужчина в очках сверял карту раскроя с моделью.

— Глеб, наш ведущий технолог, — представила Белова. — Если передаёте нам чертежи, проверять будет он.

— В чём работаете? — спросил Глеб.

— Узлы в «Автокаде», корпусную присадку перегоняю в «Базис».

— Пробный файл пришлите. На обмене иногда кромки слетают. И доборы вынесите в отдельный слой, у нас сборщики привыкли так.

Белова отвела Асю в соседний бокс и положила перед ней четверговый договор. Ася сразу нашла пункт 3.4: вместо года — четыре выезда за две недели.

— Это осталось?

— Да. Два обмера, две передачи чертежей. Две недели отсчитываем с первого согласованного выезда. Костин стол доводите у себя; Олег говорил, заготовки готовы.

Ася прижала пальцем край страницы.

— Денис в пятницу кричал, что я должна буду делать ещё три объекта. И старый отель. Где это?

Белова открыла почту, но у Аси зазвонил телефон.

— Анастасия, мы же в десять договорились! — Лариса говорила под стук перфоратора. — Электрики с восьми утра схему ждут. Вы где?

— Подождите, почему к десяти? Мы во вторник только о замере на следующей неделе говорили.

— Олег Викторович в пятницу позвонил. Сказал, вы теперь вместе с фабрикой Беловой, в понедельник привезёте договор. Мы мойку переносим, люди стены закрывать не могут.

Белова жестом попросила включить громкую связь.

— Лариса Игоревна, это Екатерина Белова. Глеб сегодня до шестнадцати вам позвонит, решите, какие стены пока не закрывать. На замер согласуем ближайшее время. Да, вашу цену помню.

Когда разговор закончился, Ася положила телефон экраном вверх.

— Это должна была быть моя кухня.

— Олег в пятницу включил её во второй пакет.

Белова достала серую папку. В новом договоре исполнителем стояла сама Ася; строки для паспорта были пустыми. Три объекта: «Росток», кухня Ларисы на Северной, прихожая на Липовой. До середины января. Сто шестьдесят тысяч до налога; за ошибки в этих проектах — удержание не больше сорока восьми тысяч. Отеля в приложении не было.

— Я отказалась, — сказала Ася. — В обед. Он мне даже цену не назвал.

Белова повернула монитор.

Пятница, 13:10. Письмо Олега, в копии Денис. В первой строке — привычные два восклицательных знака после приветствия. Дальше: *«С Асей сегодня в обед всё проговорил, она полностью в курсе, 160 000 за весь пакет и условия по акту её устраивают»*.

Через двадцать минут после её отказа.

Ася стала читать дальше. В шесть они с Денисом собирались обсудить и, если договорятся, подписать. До шести Олег просил её не дёргать.

— Вот, — сказала она и придвинула монитор к Беловой, будто та ещё не видела письма. — А Денис…

— Ниже его ответ.

В 16:46 Денис написал с собственного адреса. Бухгалтерии в получателях не было.

«Котов две тумбы принял, считайте по отелю 450, а не 590. Ася ведёт у тебя три новых проекта до середины января, но её работу по восьми панелям надо тоже включить в этот расчёт. Отдельно за старую гарантию мы ей платить не будем».

Ася прокрутила ниже.

«Олег, Асе смету и приложение пока не показывай. В шесть её в кабинет не зови, сначала сами договоримся. До понедельника подождёт. Я с ней поговорю, она подпишет как миленькая, у неё выбора нет — на чём она одна заказы делать будет».

Лена слышала это голосом Олега. Начала фразы не разобрала.

Белова потянулась к мыши; Ася положила руку на стол рядом, не давая закрыть письмо.

— Подождите.

Она перечитала последнюю строку. В пятницу Денис говорил ей почти то же самое — только эти слова у него произносил Олег.

— А вы что ответили?

Белова открыла следующее сообщение, 17:02. Тумбы из претензии исключены условно, до подтверждения Котова. По панелям — срок до двадцать пятого декабря. Работу Аси по старому отелю нужно согласовывать отдельно; в новом договоре её нет. Подписанных документов Белова ждала до половины седьмого, иначе не резервировала оплату оборудования.

— Подписи вашей я не получила, — сказала она. — И в семнадцать сорок Олег позвонил, попросил этот пакет не запускать.

— Почему?

— Узнал от Макарова про комнату. Сказал, что вы ничего не согласовывали. Я спросила, зачем написал обратное. Ответил: думал, вечером договоримся.

— Про какую комнату?

— Где вы собирались работать. Подробностей я не знаю.

Белова вернулась к перечню оборудования.

— Я ему предложила оставить только станки. Три единицы, дешевле пакета. Без его шестидесяти тысяч комиссии. Заём Наталье из этой суммы сразу вернуть тоже не получится. Он сказал: пусть так, пришлите новый расчёт.

— И прислали?

— Не успела. Это было без двадцати шесть.

Ася посмотрела на своё имя в договоре. Олег хотел показать ей эти листы, пока она держала ручку перед камерой посетительницы.

— Денис знал, что Олег отменил?

— От меня — нет. После звонка Олега я с ним не говорила.

Ася снова открыла ответ брата. Он мог не знать про отмену. Она задержалась на этой возможности, но письмо от четырёх сорока шести никуда не делось.

— Перешлите мне всю цепочку. И приложения. Не только Олегово письмо.

— Сейчас отправлю. Следователю исходные файлы тоже предоставим.

— По суммам мне с Ириной Фёдоровной разбираться?

— Да. Там и заём Карпова, и оборудование, и расходы на переделку. Без расчёта эти цифры вам ничего не скажут.

Ася проверила входящую почту. Письма пришли вместе с вложениями.

— Это я не подпишу, — она вернула второй договор. — Кухню тогда забирайте Глебу.

— Клиентку я в любом случае постараюсь удержать. По вашим четырём выездам свяжемся отдельно.

За шлагбаумом Ася долго не заводила машину. Переслала полученное Жанне Борисовне и Майорову. В строке для пояснения написала, что согласия Олегу не давала. Добавила время его звонка Беловой, как та его назвала. Про своё посещение кабинета не написала.

Позвонила мать:

— Нашла серую папку?

— Нашла. Там письма обоих.

— Привози. Жанна Борисовна завтра нас ждёт.

Ася пристегнула сумку на соседнем сиденье. Хотела позвонить Ларисе, но на экране ещё стоял адрес Макарова из старого объявления о комнате. Она сохранила его заново.

Глава 7. Подтверждение для защиты

В прихожей стояли пакеты для Дениса. Мать пересыпала сахар и заварку в прозрачные мешочки. На каждом выводила полное имя сына и год рождения, потом перечёркивала: буквы показались слишком мелкими.

— Чайник горячий, — сказала она. — Поешь, пока я опись допишу.

Рядом со списком лежали шестьдесят тысяч, снятые днём для адвоката. Ася отвинула деньги, чтобы поставить ноутбук.

— Мам, посмотри сначала.

— Ты распечатала?

— Договор. Письма здесь.

Мать надела очки и придвинулась. Ася показала письмо Олега. «С Асей всё проговорил». Мать прочла вслух сумму и остановилась на удержании за ошибки.

— Скажут, всё неправильно, и ничего не заплатят.

— Удержание ограничено. И старого отеля здесь нет.

— А Денис про него говорил.

Ася открыла ответ брата.

Мать читала медленно, ведя пальцем по краю экрана. На строке «отдельно за старую гарантию мы ей платить не будем» посмотрела на дочь.

— Ты ведь и раньше с ними эти панели делала.

— Проекты новые. А переделки старые. Он решил, что я буду делать и то и другое за те же деньги.

— Хотел долги закрыть, чтобы вы спокойно разошлись. Не с улицы же человек тебя просит.

— Он написал не показывать мне смету.

Мать сняла очки и стала протирать их краем футболки.

— Ты за каждое слово теперь будешь цепляться? Он с мужиками разговаривает, у них так принято. Тебе бы он всё объяснил.

— Мне он сказал, что это Олег меня заставлял. А написал сам.

— Договор кто первый составил?

Ася не ответила. На экране оставались слова «у неё выбора нет». Мать снова надела очки, но дальше читать не стала.

— Жанна разберётся. Ей всё отправь.

— Уже отправила. И следователю.

Мать убрала мешочек с сахаром подальше от ноутбука.

— Следователю зачем без Жанны?

— Белова ему всё равно передаст.

— Всё равно, — повторила мать и взялась за маркер. — А нам сначала надо понять, чем помочь.

Ася достала распечатанный договор. В нём ещё были пусты строки для её паспорта и подписи. Она провела ногтем по скобке, которой листы соединили у Беловой.

— Олег вечером отозвал этот проект. До ссоры.

— Денис узнал?

— Белова ему не сказала.

Мать перестала писать.

— Вот. Это Жанне и объясни.

Вечером Ася запросила у Ирины полный расчёт обязательств мастерской. Открыла календарь до января. Свободных недель, на которые она рассчитывала, в письме Дениса не было.

* * *

Во вторник мать ждала у коллегии адвокатов раньше назначенного времени. Верхняя пуговица пальто была застёгнута на петлю выше. Ася протянула руку поправить, но мать уже открывала дверь.

Жанна Борисовна указала на два стула.

— Мама будет присутствовать? Анастасия — свидетель, мне нужно услышать её без подсказок.

— Пусть останется, — сказала Ася.

На столе лежали распечатки вчерашних писем. Ответ Дениса был выделен жёлтым.

— Вы Олегу согласия на три объекта не давали?

— Нет. В обед он предложил, я отказалась отдавать кухню. Ни цену, ни акт мне не показал.

— А с Денисом об этих условиях говорили до вечера?

— Нет.

Жанна сделала пометку.

— Его письмо я получила. Оно не совпадает с тем, как он объяснял мне разговор. Буду уточнять у него отдельно. Вас прошу рассказывать только то, что вы сами видели и слышали.

Мать наклонилась к столу:

— Но ведь Олег мог ему не сказать, что отменил? Катя же признала, сама не звонила.

— Мог не сказать. А мог сказать в кабинете. Мы этого сейчас не знаем.

— Денис за неё…

— Людмила Николаевна, дайте мне закончить.

Ася опустила руку на колено. На экране Олегова компьютера в ту пятницу погас свет. Она стояла в дверях с удлинителем, пришла за переходником. Сказала бы сейчас — пришлось бы начать с подписанного в субботу «после шестнадцати не заходила».

— Вы сами тот разговор в кабинете слышали? — спросила Жанна.

— Только конец. Из зала. Перед тем, как всё упало.

— Слово в слово записывали?

— Следователю рассказала.

— Тогда повторять по кругу сейчас не будем. Ваш отказ от согласия зафиксируем отдельно. По звонку Беловой и переписке нужно проверять время и обстоятельства.

Мать стиснула ремешок сумки.

— Поможет ему это?

— Сейчас обвинение по части четвёртой сто одиннадцатой. Я готовлю ходатайства, буду добиваться исследования обстоятельств ссоры. От одного письма ни статья, ни срок сами собой не меняются. Обещать я вам не стану.

Жанна подвинула бланк опроса. Ася написала, где Олег предложил ей три проекта и что она ответила. Про кабинет вопросов не было. Последнюю строку она оставила пустой.

— Полную финансовую расшифровку пришлю, как получу, — сказала она, возвращая ручку.

— Переписку сохраняйте с заголовками. Ничего не удаляйте, даже если кажется неважным.

На улице мать поставила пакеты на тротуар и обняла дочь. Ася держала свой экземпляр опроса над её плечом, чтобы не помять.

— Спасибо, что поехала со мной. Одной бы я там ничего не поняла.

Она отпустила Асю и стала собирать завалившиеся пакеты.

— Сейчас в цех?

— К Макарову заеду. Узнаю про комнату.

— А она тебе ещё нужна?

Ася наклонилась за пакетом с мылом. Ответить следовало прежде, чем подняться, но мать уже шагнула к остановке.

Глава 8. Замок на двери у рынка

До рынка было двадцать минут через трамвайный мост. «Фабия» осталась у сервиса: утром провалилось сцепление, машину притащили на тросе. Услышав цену ремонта — около двадцати пяти тысяч, — Ася попросила выкатить её на стоянку. Сейчас она шла пешком и впервые за три дня не ждала звонка. Адвокат взяла бумаги; ими займётся кто-то другой.

Конверт она держала в кармане. Аренда, залог, светильники и фанера на рабочий стол — денег хватало ровно на то, что она выписала перед первым посещением.

За рядами с картофелем начинался складской двор. На первом этаже бывшей трикотажной фабрики торговали хозяйственным пластиком. Выше, по чугунной лестнице, были комнаты для ремесленников — там Макаров и держал помещение для Аси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.